

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ФЕНОМЕНА ПРАЗДНОСТИ В КРИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ДЖОРДЖИО АГАМБЕНА

В статье анализируется роль и значение праздности в философии Дж. Агамбена. В критической перспективе праздность понимается как пустое место власти. В антропологической перспективе праздность определяется как условие бытия в открытости, то, что позволяют человеку вступить в отношение к себе, обнаружить свой этос, свою индивидуальную манеру, свою собственную способность быть.

Ключевые слова: труд, досуг, праздность, бездеятельность, индивидуальность, манера, профанация.

A.S. Kostomarov, Samara University

THE CONCEPTUALIZATION OF THE PHENOMENON OF IDLENESS IN THE CRITICAL PHILOSOPHY OF GEORGIO AGAMBEN

The article analyzes the role and significance of idleness in the philosophy of Giorgio Agamben. In a critical perspective, idleness is understood as an empty place of power. In a anthropological perspective idleness is the conditions of being in openness, that allow a human being to enter into relation to himself, to discover his ethos, his individual manner, his own ability to be.

Keywords: work, leisure activities, idleness, individuality, manner, profanation.

Целью данного исследования является анализ критической философии Дж. Агамбена с целью выявления антропологического и экзистенциального смысла феномена праздности. Изначально нам хотелось бы дистанцироваться от такого осмысления праздности, который включает праздность в дихотомию работы и лени, труда и досуга. Традиционное понимание праздности предполагает свободу от необходимости быть занятым как форму легитимного освобождения от труда [7, с. 4]. И в этом смысле мы можем понимать праздность как необходимое условие, основание присутствия труда в жизни человека, ведь труд в исходном смысле нацелен не только на трансформацию и преобразование материала природы, возникновение значимых для человека

вещей, но и на появление особого времени свободного от производства. Поэтому можно говорить о том, что одной из целей труда, его базовой смысловой интенцией является высвобождение времени: возникновение свободного, праздного времени. По замечанию Ж. Бодрийера, в условиях развития позднего капитализма труд теряет свою связь с природой, с вещами, происходит сращивание труда с процессом производства и потребления социальных знаков, знаков общественного признания [6, с. 120-121]. Вследствие этого труд утрачивает свою преобразующую функцию, становится повсеместным, тотальным, абсолютным и теряет свою смысловую направленность на формирование такого регистра существования человека, который не был бы связан, определен трудом. Повсеместное распространение труда, культ труда маркирует систему эксплуатации и скрывает анонимный характер капитала. С нашей точки зрения, на современном этапе развития позднего капитализма возникает взаимосвязь капитала и досуговых практик, капиталистическая логика апроприрует досуг, появляется производственный тип досуга, при котором индивид более не может перейти к чистой трате времени, лишенной логики производства и добавочной стоимости. Досуг становится либидинальным двигателем потребления. Именно в этом состоит отличие места и роли досуга в современных обществах, где досуг есть всегда то, что позволяет субъекту обрести необходимую свободу и дистанцию от процесса производства, и в этом отношении труд подразумевает досуг и праздность, от того, какие смыслы и значения обретает досуг в современном обществе. В современной культуре досуг оказывается измерением, в котором возникает та субъективность, которая имманентно включена в практики производства и потребления. В итоге досуг теряет свой гуманистический потенциал, труд и досуг проникают и дополняют друг друга, делая проблемным существование свободного от труда времени.

Понятие праздности является ведущим в критической философии Дж. Агамбена. В своем фундаментальном исследовании «Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления» Агамбен пытается обнаружить теологические корни западной парадигмы власти [1]. Если М. Фуко понимал власть как абсолютную и анонимную силу, которая охватывает все стороны человеческого существования, то Агамбен пытается обнаружить скрытое основание власти, которое связывается им с бездеятельностью Бога и человека. Подобно тому, как Бог передает управление миром своим ангелам, так и суверен передает власть своим министрам, которые управляют государством. Божественное ойкономия становится моделью для земной

власти, светская бюрократия становится выражением ангельской. Происходит определенный политический сдвиг, связанный с тем, что экономика как управление живыми существами, само управленчество оказывается более значимым, чем власть суверена. Поэтому король царствует, но не правит, не управляет. Оригинальным замыслом Агамбена в осмыслении природы власти становится тезис о том, что как Бог, передав управление творением ангелам, так и суверен, передавая власть своим министрам, становятся бездеятельными, праздными. Праздность и бездеятельность становятся сердцевиной власти. Власть присваивает себе праздность, которая окружается славой (торжественная символика и аккламация), и инструментализируется посредством церемониального аппарата. «Иными словами, власть, – пишет Агамбен, – делает не что иное, как захватывает бездеятельность, структурируя ее внутри себя как аспект самой себя. Та операция, которую я проделал, как раз обратная: речь идет о том, чтобы вырвать эту бездеятельность из пространства торжественности власти» [2, с. 118].

В «Грядущем сообществе» Агамбен обращается уже к антропологическому анализу феномена праздности. Согласно Агамбену, человек изначально есть бездеятельное, праздное существо. «Человеческая жизнь, – пишет Агамбен, – бездеятельна и лишена цели, но именно это отсутствие дела и цели делают возможной беспримерную человеческую деятельность. Человек посвящает себя производству и труду, потому что в действительности по своей сущности он лишен дела, потому что он, прежде всего, животное субботы» [3, с. 70]. Именно праздность, бездеятельность, считает Агамбен, является тем онтологическим свойством, которое отличает человека от животного. Как полагает Хайдеггер, существование животного определяется внешними растормаживателями, то есть определенными природными условиями, поэтому животному присуще оцепенелость, зависимость от внешних условий. Вследствие такого положения животное не способно вступить в отношение к себе, животное существует в окружающей среде и не способно пережить мир как открытое, как *aletheia*. Согласно Агамбену, отличие человека от животного как раз состоит в том, что человек, будучи принципиально бездеятельным, праздным, может приостанавливать воздействие внешних раздражителей, дезактивировать себя, вычитать себя из различных форм актуализации, прерываний и предустановленных схем мира. Именно тогда, когда человек способен к деактивации своей жизни, он открывает саму возможность быть, мир как открытое. Праздность, бездеятельность выступают для человека условием бытия в открытости.

Агамбен утверждает, что именно благодаря тому, что люди свободны и не привязаны ни к какой деятельности, они способны выходить за пределы своего жизненного пространства, приостанавливать в себе природные и повседневные практики и заниматься политикой. Праздность есть деятельность, лишённая деятельности. Поэтому праздный, бездеятельный характер человеческого существования выступает условием политики, философии, искусства.

Таким образом, становление человека в качестве человека возможно благодаря бездеятельности, праздности, которая позволяет человеку осуществить переход от различного рода внешних определений к миру как таковому, как открытому. Будучи формой приостановки деятельности, праздность не только позволяет обнаружить мир в его открытости, но даёт возможность человеку вступить в отношение к самому себе, открыть собственную способность быть, свои потенциальные способности и возможности. «Способность-не, приостанавливая переход к действию, – утверждает Агамбен, – нейтрализует способность и демонстрирует ее как таковую» [4, с. 63]. На приостановку деятельности как необходимое условие человеческого бытия указывает в своих работах В.В. Бибахин: «Механика кончается в амехани, но полная амехания вдруг переходит в любую возможность» [5, с. 272]. Для В.В. Бибахина, как и для Дж. Агамбена праздность, амехания есть условие возвращения к онтологической потенциальности человека, то, что открывает нам проективный характер человеческого бытия, а значит, отсутствие какой бы то ни было изначальной телеологической предопределённости человеческого бытия. С нашей точки зрения, праздность и бездеятельность возвращают человека к его собственным бытийным способностям, вводят человека в регистр бытия заново и в этом смысле праздный человек существует в открытом мире, в мире возможного, а не действительного. Опыт праздности открывает человеку его этос, собственную манеру быть, которая и формирует человека как индивидуальное бытие. Манера есть то, что указывает не на сущность или субстанцию, а на способ, посредством которого индивидуальное бытие экспонирует себя. Именно манера как собственный способ быть, как уникальный способ предъявления себя выступает одновременно условием индивидуации самости человека и условием ее тождества. Индивидуальность – это буквально бытие, лишённое подобия, бесподобное, в том смысле, что сама индивидуальность ничему не подобна, кроме себя. Таким образом, праздность для Агамбена есть особая деятельность по производству себя, связанная с открытием собственного этоса, своей манеры быть.

Список литературы:

1. Агамбен Д. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.: Издательство Института Гайдара, 2018. 552 с.
2. Агамбен Д. Экономика бездеятельности и бездеятельность экономики // Логос. 2019. №1. 296 с.
3. Агамбен Дж. Грядущее сообщество. М.: Три квадрата, 2008. 190 с.
4. Агамбен Дж. Костер и рассказ. М.: Грюндриссе, 2015. 192 с.
5. Бибихин В.В. Лес. СПб.: Наука, 2011. 425 с.
6. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2015. 392с.
7. Вахштайн В., Маяцкий М. Случайный труд – принудительный досуг // Логос. 2019. №1. 296 с.